

О. Н. Дамения

АБХАЗИЯ
НА РУБЕЖЕ
ВЕКОВ

Олег Дамения

**Абхазия на рубеже веков
(опыт понятийного анализа)**

«Юридический центр»

2011

Дамения О. Н.

Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа) /
О. Н. Дамения — «Юридический центр», 2011

В предлагаемой вниманию читателей книге известного абхазского философа исследуются проблемы развития современного абхазского общества. Автор рассматривает происходящие в абхазской жизни изменения на фоне современных трансформационных процессов. Анализ проводится на основе комплексного подхода с использованием методов и понятийного аппарата социальной философии, культурологии, этнологии, феноменологии, герменевтики, психоаналитики и синергетики. Впервые предпринята попытка создания в контексте мировой и общекавказской культуры концепции развития абхазской культуры и государственности. Книга рассчитана на широкий круг читателей – историков, философов, культурологов, политологов, а также всех, кто интересуется проблемами развития абхазской культуры.

© Дамения О. Н., 2011

© Юридический центр, 2011

Содержание

От редактора	7
Предисловие автора	9
Введение	13
Время безвременья	14
Определение неопределенности	15
Порядок и хаос	16
Кризис бытия или переходный процесс?	17
Между двумя системами	19
О социальных последствиях техногенной цивилизации	20
Характер и динамика эволюционных процессов	21
Конструкция или деструкция?	23
Самоопределение или самоидентификация!	25
Примечания	28
Глава I	29
§ 1. Внешний мир и особенности его трансформации	29
Абхазия и внешний мир	29
Метаморфозы постсовременного мира	29
Новая дихотомия или возвращение к старой модели?	30
Катакомбы геополитических коллизий	31
Мир как противоречивый процесс	32
§ 2. Кавказ в меняющемся мире	34
В контексте глобального кризиса	34
Региональный аспект кризиса	35
§ 3. О кавказской культуре (Опыт моделирования научной версии)	38
Культурно-цивилизационный контекст	38
Исходные реалии анализа	38
Социальная диагностика культуры: постановка проблемы	39
Переходный процесс: откуда, куда и почему?	40
Кризис культуры и поиск выхода из него	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Олег Несторович Дажения

Абхазия на рубеже веков

(опыт понятийного анализа)

Автор выражает признательность Президенту Республики Абхазия Сергею Васильевичу Багапи за предоставленную возможность работать над этой книгой

Олег Несторович Дажения

Руководитель Центра стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия, кандидат философских наук, доцент

О.Н. Дамения – известный абхазский философ и общественный деятель. Область научных интересов – социальная философия, философия культуры, культурная антропология. Автор более 80 научных работ, изданных в Москве, Киеве, Алма-Ате, Тбилиси, Ереване, Ирвайне (Колумбийский университет, США), Ростове-на-Дону, Майкопе, Сухуме. Труды О.Н. Дамения отличаются глубиной анализа и остротой поставленных в них проблем.

О.Н. Дамения – видный деятель общественно-политической жизни Абхазии. Является одним из авторов известного «Абхазского письма 130-ти» (1977 г.). В 1992–1996 гг. О.Н. Дамения

ния был депутатом Парламента Республики Абхазия. С 2006 г. – руководитель ЦСИ при Президенте РА.

Редакционная коллегия несерийных изданий

Ю.В. Голик (отв. ред.), М.Т. Агаммедов, Н.А. Винниченко, И.Х. Дамения, И.В. Елисеев, И.Э. Звечаровский, А.В. Земскова, А.В. Коновалов, С.Ф. Милуков, А.В. Сальников, А.В. Федоров, А.А. Эксархопуло

YURIDICHESKY CENTER ASSOCIATION

CENTER FOR STRATEGIC STUDIES UNDER PRESIDENT OF REPUBLIC OF
ABKHAZIA

O. N. Damenia

ABKHAZIA ON THE TURN OF THE CENTURY
THE EXPERIENCE OF CONCEPTUAL ANALYSIS

Saint Petersburg
Yuridichesky Center Press
2011

Editorial Board

Yu. V. Golik (managing editor), M. T. Agammedov, N. A. Vinnichenko, I. H. Damenia, I. V. Eliseev, I. E. Zvecharovsky, A. V. Zemskova, A. V. Konovalov, S. F. Milyukov, A. V. Salnikov, A. V. Fedorov, A. A. Eksarkhopoulo

In the present book, the famous philosopher studied the Abkhazian problem of the modern Abkhazian society. The author of concise reviews taking place in Abkhazian lifestyle changes based on current transformation's processes. The analysis is based on an integrated approach using the methods and conceptual apparatus of social philosophy, cultural studies, ethnography, phenomenology, hermeneutics, psychoanalysts and synergy. First attempt to develop in the context of world culture and the common Caucasian concept of Abkhazian statehood and culture in general was made.

The book is designed for a wide range of readers, historians, philosophers, culturologists, politologists, primarily for those interested in the problems of Abkhazian culture.

© O.N. Damenia, 2011 © 'Yuridichesky Center Press', 2011

От редактора

Каждый народ считает свой образ жизни самым правильным и стремится сохранить его, передавая потомству с накопленным опытом и свое видение вещей. Но каждый народ не живет на острове, отгороженном от остального мира. Мир активно вмешивается в его жизнь, меняя, порой корежа ее. Малочисленному народу трудно, а иногда и невозможно, противостоять этой волне.

Если в советской империи мы, имея свою автономную нишу, были более или менее защищены, то с развалом СССР, последовавшей войной и обретением независимости мы оказались с миром один на один, будто внезапно открылись все двери и отовсюду подули ветры. Сумев отстоять свою свободу, наш народ оказался под другой угрозой – потери своей национальной идентичности.

Что делать в этой ситуации, чтобы сохранить себя, свою непохожесть на других, свою культуру, т. е. остаться самим собой, не потерять необщее выражение своего лица?

Над этими вопросами размышляет в своей книге философ Олег Дамения. Проанализировав исторический и духовный опыт абхазского народа, особенности его культуры в контексте культур других народов Кавказа и вообще мировой культуры, на большом фактическом материале, с привлечением научных, литературных источников, он предлагает свое решение проблем, стоящих перед нами.

О. Дамения не скрывает сложности этих проблем, он меньше всего озабочен поиском утешительных формулировок, паллиативов. Он ищет истину, а это порой чревато горькими открытиями, и таких горьких открытий читатель найдет в этой книге немало. Это может вызвать неприятие определенной части абхазов, не склонных к саморефлексии, все еще продолжающих жить по готовым дедовским образцам. Но без знания, а главное – озвучивания правды о себе никакой народ не сможет прорваться в будущее, он будет вечным заложником мифического прошлого.

Разумеется, не со всеми выводами О. Дамения нужно и должно соглашаться. Так, вряд ли одно лишь возрождение абхазского села способно решить проблемы сохранения и развития абхазского этноса, абхазской идентичности. Мы должны стать полноценной частью человеческой цивилизации, и здесь не обойтись без города, без городской культуры, хотя город с его размытой моралью представляет определенную угрозу для малочисленного народа. Городская жизнь полна соблазнов, она сложна, и человеку необходимо иметь сильные адаптивные способности – не только чтобы выжить, но и сохранить свой духовный мир цельным, сохранить незамутненным свое понимание добра и зла. (Речь идет о новых горожанах, бывших сельских жителях, которых в послевоенное время среди нашего народа стало много и которые оказались неприспособленными к городской жизни и стремительно теряют свое абхазское лицо.) Но и для самореализации город представляет гораздо больше возможностей. Очевидно, что за последние сто лет наша культура, как правило, творилась в основном в городе. Другое дело, что наши города, в том числе и столица, не стали вполне абхазскими, в них мало абхазского колорита и, самое опасное, мало абхазской речи.

Каждая культура самоценна, она не нуждается в оправдании и отражает духовную сущность народа, создавшего ее, его вочеловечение на долгом историческом пути. Так же и абхазская культура, она является частью общечеловеческой культуры, ее сохранение и развитие – столь же важная, если не самая главная, задача в ряду других задач, стоящих перед нашим молодым государством.

Олег Дамения написал честную книгу, не покрывив душой, не спрятавшись за вымыслами и утопиями. Его глубоко волнует будущее Абхазии и абхазского народа. Через не всегда

приглядную правду о нас сегодняшних он ищет пути в будущее, и этот поиск по определению не может не рождать надежды.

Даур Начкебия

Предисловие автора

*Светлой памяти тех, кто принес свою жизнь на алтарь
Отечества, посвящается*

Прежде чем изложить то, что обычно предпосылается научному изданию, важным представляется разъяснить: что же побудило меня написать такую книгу? Сделать такое разъяснение тем более следует, поскольку я не являюсь абхазоведом и предлагаемая вниманию читателей книга не вполне вписывается в круг моих научных интересов. По профессии я – преподаватель философии, к которой питаю затаенную любовь уже более 40 лет. Проникся я этим чувством еще в годы учебы в аспирантуре Института философии АН СССР. Именно тогда в стенах этого института мне удалось увидеть и послушать известных философов: А.Ф. Лосева, М.К. Дынника, В.Ф. Асмуса, П.В. Копнина, Э.В. Ильенкова, психолога А.И. Леонтьева, физика И.Л. Капицу, генетика И.И. Дубинина, филолога М.М. Бахтина и многих других.

После окончания аспирантуры и защиты диссертации я опасался, что заниматься так полюбившейся мне профессией в условиях Абхазии будет трудно. Так оно и случилось. Вернувшись домой, я оказался в гуще политических событий, которые волнообразно разворачивались вокруг абхазо-грузинского противостояния. Смысл политики, проводившейся официальным Тбилиси в Абхазии, был довольно прост: *огрузинивание абхазов*, что, естественно, вызывало сопротивление со стороны абхазской общественности. В этих условиях мне, как и многим моим коллегам, часто приходилось работать над подготовкой различных политических документов, в том числе и письма, известного под названием «Письмо 130-ти».

В дальнейшем противостояние между Абхазией и Грузией нарастало, что в конечном итоге привело их к вооруженному столкновению в июне 1989 г. и войне 1992–1993 гг.

Все это не только отвлекало, но и лишало меня возможности заниматься философией. Только изредка мне удавалось тешить себя чтением сочинений древнеиндийских, древнегреческих авторов и европейских классиков. Особенно поражали и продолжают поражать меня Платон, Кант и Гегель. Но в последнее время я их читал не просто из «любви к искусству», а в связи с реальными жизненными событиями, участником которых мне часто приходилось быть. В таком ракурсе я лучше стал понимать сложнейшие философские тексты. В то же время с высоты философских абстракций становилась все более заметной невидимая часть айсберга. Из глубины веков, а то и тысячелетий, философская мысль порой высвечивает такие реалии нашей современной жизни, понять которые обычное сознание не в силах.

Здесь нельзя не вспомнить Платона, сочинения которого, в частности «Законы», написанные 2500 лет назад, звучат и сегодня так, будто их автор жил и творил в послевоенной Абхазии. Они – самый обстоятельный и исчерпывающий ответ на вопрос: что нам сегодня надлежит делать для благоустройства своего общества? Всех тех, кого поистине тревожит судьба современного абхазского общества, я отсылаю к философскому наследию древнегреческого жреца истины, который и сегодня может помочь нам, как никто другой, в понимании нашей жизни.

Именно платоновская метода часто помогала мне вести определенное («включенное») наблюдение за действиями людей. Она позволяла мне раскрывать в какой-то степени смыслы, которые были сокрыты в этих действиях и мотивировали их. Можно проиллюстрировать эту мысль и своими личными наблюдениями. Я был очевидцем и участником трагических событий начала грузино-абхазской войны. Я видел, как мирные люди, в их числе и мои студенты, шли на фронт, не имея ни оружия, ни элементарных представлений о войне. Шли они, чтобы разоружить врага и вооружиться самим! Причем шли они не по приказу, невыполнение которого грозило им суровым наказанием, а по собственному желанию! Значит, это был их свободный выбор. Но ведь шли они на верную смерть! *Что же ими двигало? Какая же сила заставляла*

их идти на верную смерть? Во имя какой более высокой ценности они готовы были рисковать своей жизнью? Есть ли в иерархии ценностей человека вообще еще нечто такое, что имеет для него большую значимость, чем его жизнь.?

Как видно, в экстремальных условиях войны люди начинают действовать неординарно. Это делает более прозрачным то, что обычно скрыто в их действиях, а потому не всегда адекватно осознается ими. В этом плане показательным оказался и кризис, разразившийся на рубеже веков, – и не только в бывшем Советском Союзе. В условиях кризиса, продолжающегося еще сегодня, людям также приходится мыслить и действовать необычно. Понять их действия привычным способом крайне сложно. Приходится искать новые подходы, по-новому читать тексты, подтексты и контексты социальной жизни людей.

Более того, на рубеже веков мы оказались перед новым вызовом: *как мы, абхазы, собираемся жить дальше!* Одного только политического самоопределения, как видно, оказалось недостаточно. Возникла острая необходимость и в культурно-цивилизационном самоопределении. От нас требовалось ответить на вопрос: *кто мы, абхазы, и чего мы хотим?* Сегодня от нас уже требуется оценить свой человеческий потенциал, ибо только на его основе может быть обусловлена целесообразность самой идеи абхазской государственности и ее независимости. Без собственной интеллектуальной базы государство не может иметь смыслообразующего начала, и оно (государство), тем более такое маленькое, как абхазское, может превратиться в предмет различных геополитических игр.

Ситуация, сложившаяся в последние десятилетия в Абхазии и вокруг нее, оказалась, как видно, неординарной, весьма острой и неоднозначной. Вопрос «Быть или не быть абхазскому народу?», несмотря на последние завоевания, по-прежнему продолжает висеть над нами, как дамоклов меч. Абхазская общественность осознает эту угрозу, но не знает, как ее отвести. Эта книга в какой-то степени является ответом на вызов исторического времени.

Современное состояние абхазского общества, в условиях которого писалась книга, не могло не наложить определенного отпечатка на нее. Вследствие этого она не похожа на обычное академическое издание. Такое издание, как правило, снабжается специальным научным аппаратом (терминологией, обширной библиографией, комментариями и др.). По стилю изложения книгу следует отнести к научно-популярному жанру.

Однако это не означает, что я пренебрегал академическим подходом. Напротив, в меру своих возможностей я придерживался современных научных требований. Потому изложенная в книге концепция – это не субъективная позиция автора, а продукт научного анализа.

Выбирая такой жанр, я исходил из степени значимости анализируемой в книге тематики, которая была, повторяю, как бы «навязана» самой жизнью. В силу этого обстоятельства возникла острая необходимость в расширении читательской аудитории. Ведь к судьбе культуры имеют отношение не только ученые, которые ее изучают. Круг специалистов, имеющих профессиональный интерес к культуре, гораздо шире, чем узко академический. Именно тем, кто имеет профессиональное отношение к абхазской культуре, в первую очередь, и предназначается данное издание.

При этом свою основную задачу я видел не столько в скрупулезном изучении фактов абхазской культуры и выстраивании их в определенную систему, сколько в изложении самой идеи (концепции, версии) книги, как бы в «чистом виде». В наших представлениях об абхазской культуре больше всего не хватает как раз ее *понимания*. Именно через формулирование рабочей версии мыслится мне достижение *понимания* абхазской культуры в ее *системной целостности*. Собственно, в этом и состоит замысел книги.

Здесь важно уточнить понятия «понимание» и «целостность». Само *понимание* культуры, как известно, есть высший уровень, которым как бы завершается процесс ее познания. *Целостность* культуры не сводится к простой сумме ее (культуры) составляющих элементов. Культура (как, впрочем, и любой другой системообразующий объект) есть нечто единое, нерасчле-

нимое и большее, чем совокупность структурных элементов, из которых она состоит. Поэтому из знаний отдельных элементов и фрагментов культуры не может быть создано понимание ее целостности. Но понимание достигается лишь анализом предельно общих понятий и категорий, познавательный потенциал которых мало используется в работах, посвященных абхазской культуре. Именно это обстоятельство и определило понятийный подход, используемый в книге.

Важность такого подхода заключается в том, что он позволяет создать целостное (общее) понимание культуры, являющейся сложным структурным образованием. Культура и составляющие ее структурные элементы находятся в отношении части и целого, в котором части функционируют по законам целого. Это значит, что без знания целого трудно понять части, из которых оно состоит. Лишь в свете общего понимания культуры можно разобраться в ее отдельных элементах. Более того, именно это понимание, часто в форме методологии или логических процедур, предшествует и предваряет изучение самих структурных элементов. Получаемые при этом результаты во многом зависят от того, на базе какой исходной идеи проводилось их изучение. Именно эту идею нам важно было изложить и предложить предполагаемой аудитории для обсуждения.

Однако при всей важности такой идеи (теории) не следует преувеличивать ее роль. Значимость теории зависит от степени ее эффективности в познавательной практике. Даже самая корректная и логически безупречная теория остается искусственным изобретением ума, если она не применима к практике. Смысл теории, ее предназначение – объяснение фактов. Объяснять факты теория может лишь в том случае, если она выведена из них. Поэтому идея (версия), изложенная в книге, конструировалась не произвольно, создавалась не искусственно, а выводилась из жизни абхазской культуры. В какой мере это удалось автору – судить взыскательному читателю.

Вместе с тем воссоздание целостного образа абхазской культуры оказалось трудно разрешимой задачей. Такая задача легче решается при реальном наличии аналога той целостности, о которой здесь идет речь. Между тем реальность абхазской культуры сегодня такова, что не предполагает такой целостности. В последние столетия абхазы стали дисперсным народом.

Утраченную целостность народа усугубили война и ее последствия. Лишь недавно стали налаживаться контакты с той частью абхазов, которые отдельными анклавами (группами) были расселены в странах Ближнего Востока еще в XIX в.

Катаклизмы, выпавшие на долю абхазского народа, не могли не сказаться на состоянии его культуры. Многие ее элементы в ходе истории деформированы или вовсе утеряны. Их приходилось восстанавливать. Но эта работа, разумеется, не может считаться завершенной. Она требует разработки специальной методологии, на базе которой можно будет реконструировать культуру. В связи с этим свою задачу я видел лишь в постановке самой проблемы, но не в решении ее.

Значимость используемого в книге подхода состоит еще и в том, что он позволяет выявить и рационализировать смысл и ценностный потенциал абхазской культуры. Часто они воспринимаются широкой общественностью в гипертрофированной или мифологизированной форме. Их рационализация стала особенно актуальной в условиях кризиса, когда в обществе образовался непомерный разброс мнений в понимании феномена Апсуара. При этом из поля зрения общественности часто выпадает понимание *смысла* абхазской культуры, ее *экзистенциальной значимости* в жизни народа. Научное изучение реального положения абхазской культуры и выполнение ею своих основных социальных функций в экстремальных условиях кризиса не стало еще традицией.

Чтобы понять смысл абхазской культуры, следует рассмотреть ее роль в формировании современного абхаза через ценности, которыми она его наделяет. Важны также создаваемые культурой условия, при которых ее носитель может не только приобрести определенный человеческий потенциал, но и реализовать его. Но смысл любой отдельной культуры простирается

не только в границах этнического пространства. Непреходящая ценность (смысл) этнической культуры состоит в ее своеобразии, которое выявляется при сравнительном анализе с аналогичными образованиями. При этом особенно важно, что своеобразие любого этнокультурного образования имеет общечеловеческую значимость. Ведь культурное разнообразие человечества – это, как известно, его богатство, сила и выживаемость. Исчезновение хотя бы одного, достаточно самобытного, культурного образования – большая утрата для человечества вообще, тем более в условиях продолжающегося мирового культурно-цивилизационного кризиса. Каждая отдельная культура – это не только люди, но и их опыт совместного выживания. Поэтому абхазская культура рассматривается в книге как в региональном, так и в глобальном контексте.

Разумеется, охватить и рассмотреть все аспекты абхазской культуры в одной книге вряд ли возможно. Потому я стремился найти путь, позволяющий реально оценить современное состояние абхазской культуры и определить перспективы ее развития. Насколько мне удалось справиться с решением поставленной задачи, опять-таки судить взыскательному читателю.

При этом нельзя не отметить, что книга представляет первый опыт подобного рода, в силу чего она не лишена отдельных недостатков. Их было бы гораздо больше, если бы не скрупулезная работа над текстом редакторов – профессора Натальи Томашевской и писателя Даура Начкебиа, замечания и советы которых помогли мне глубже разобраться в существе проблемы. За эту работу я им признателен. Однако это не означает, что они наравне со мной делят ответственность за те недостатки, которые в книге все же встречаются. Несмотря на это, я все же рискнул ее издать. Быть может, эти недостатки послужат импульсом в развитии мысли вокруг поднятой в книге проблематики? Хотелось бы надеяться!

Я также признателен научным сотрудникам Центра стратегических исследований Жаде Джемре Эрджийес и Кристине Пачулиа, оказавшим мне техническую помощь в подготовке книги к изданию. Во многом благодаря этой помощи книга приобрела тот вид, в котором она предлагается читателю.

Введение

Историческое время, его образ и императивы

Ключевые понятия: время, вызов, ответ, система, кризис, самопознание

Время безвременья

Мы вступили в новое тысячелетие. Его начало стало временем тяжелых испытаний, глубоких потрясений, радикальных перемен. Былая форма социального жизнеустройства разрушена, а на ее развалинах идет мучительное формирование новой.

Состояние, в котором мы сегодня пребываем, – время *безвременья*. Нормы и механизмы социальной преемственности нарушены. Происходящие события, составляющие жизнь общества, утратили причинно-следственную связь и не выстраиваются больше в той последовательности, в какой человек мог бы осознанно ориентироваться в настоящем и прогнозировать свою будущность.

Органичная целостность временного континуума (прошлое– настоящее–будущее) утрачивается, а потому время как бы перестает *быть*. Лишенное привычных координат – базовых признаков и свойств (длительность, необратимость, однонаправленность, линейность, цикличность, спиралеобразность и др.) – оно становится трудноуловимым, трудноосмысливаемым, а потому не столько ориентирует, сколько дезориентирует людей.

Многочисленные «вызовы» современного миропорядка еще больше усложняют настоящее и вуалируют образ социального будущего, на формирование которого нацелены сегодня усилия всего человечества. В этих обстоятельствах только прошлое кажется понятным, осмысленным. И потому в нем, прежде всего, мы ищем архетипы, способные объяснить смысловые параметры настоящего и подсказать пути движения в будущее.

Поиск образа будущего стал ныне глобальной задачей. И было бы упрощением говорить, что этот образ однозначно предопределен всем предшествующим ходом социального развития. Его ищут, моделируют теоретики и практики, ученые и политики. В этих условиях всем социальным общностям (в том числе этническим) предоставляется уникальная возможность стать активными участниками творческого поиска искомого образа будущего.

Определение неопределенности

Историческое время, переживаемое нами сегодня, характеризуется также как «время социальной *неопределенности*». Неопределенность выражает собой такое состояние социальной системы, когда прежний порядок составляющих ее структур (социальных институтов, социальных групп, консорциев, индивидов и т. д.), а также механизмы их взаимосвязи и взаимодействия оказываются разрушенными.

Будучи изолированными друг от друга, т. е. вне системы, находясь в состоянии некоего «броуновского движения», эти структуры начинают поиск новой системы (порядка) как единственно возможной формы своего существования. В ходе этого процесса структуры могут либо сами образовывать новую систему (новый порядок в иерархии частей целого), либо вливаться в другую существующую систему.

Фактор деформации привычных структур, неопределенность их нового статуса порождают неустойчивость социальной системы, а вместе с ним – чувство утраты человеком социальной реальности. Этот процесс весьма сложный, не всегда однозначный, но всегда болезненный для общества.

Люди начинают испытывать растерянность и большие затруднения. Поддерживать жизнь старыми привычными способами становится невозможным, а новой технологии жизнеобеспечения еще нет, как нет и единых (общих) правил и норм совместной жизнедеятельности – они еще неясны и в обществе не сложились. Каждому приходится находить свой способ выживания. Не все выдерживают испытание такой самостоятельностью: выживают лишь наиболее инициативные, предприимчивые, мобильные, не только *способные*, но и *готовые* адаптироваться к экстремальным условиям.

Порядок и хаос

Выжить во время социальной неопределенности возможно, лишь определившись, т. е. создав такие условия, при которых люди могут достаточно эффективно и стабильно поддерживать свое существование. Это означает не что иное, как необходимость создания новой социальной системы. Система как таковая есть *упорядоченность* составляющих ее структур или, говоря иначе, определенный порядок. Сама упорядоченность, в свою очередь, есть такое состояние структур, при котором они могут существовать лишь в связи друг с другом. И только при наличии такой связи структур можно говорить об их упорядоченности и системности.

Взаимосвязь структур происходит на разных (механическом, органическом, надорганическом) уровнях, но при этом суть ее (взаимосвязи) сохраняется. Однако порядок (система) не есть данность, вечная и неизменная. Напротив, любая система, в том числе и социальная, изнашивается и, исчерпав свои внутренние ресурсы, разрушается. Впрочем, разрушение системы может произойти и под воздействием внешних сил и факторов. Ведь никакая система не существует изолированно, а лишь в связи с другими системами, с которыми она взаимодействует. Не всегда это взаимодействие конструктивно; часто оно носит деструктивный характер, и тогда происходит очередное исчезновение одних и возникновение других систем.

Это означает, что в процессе эволюции порядок (системность) может перейти в иное состояние – беспорядка (бессистемности), или *хаоса*. Хаос противоположен порядку. Если в условиях порядка причинно-следственная обусловленность происходящих событий, процессов просматривается достаточно хорошо, то при хаосе такую закономерную последовательность (причина – следствие) проследить трудно.

События и действия людей в условиях хаоса произвольны, «аритмичны», что не позволяет им что-то планировать, тем более – строить прогнозы. Все ресурсы людей, в том числе интеллектуальные, тратятся, главным образом, на потребность *выжить любым способом*. Именно она, эта потребность, становится основополагающей мотивацией человеческих действий в каждый текущий момент жизни. Заниматься же совершенствованием формы наличного социального бытия и, тем более, интеллектуальным поиском своего социального будущего ни времени, ни возможности у людей просто не остается.

Кризис бытия или переходный процесс?

На рубеже веков не только мы, абхазы, но и все человечество оказались перед угрозой серьезных катастроф – термоядерной, экологической, техногенной, цивилизационной, демографической и др. Они составляют содержание более общего понятия – кризис.

Истоки нарастающего кризиса (а сегодня ни у кого уже не осталось сомнений в его нарастании) трудно объяснить обычными ссылками на те или иные, якобы устаревшие, идеологические доктрины и социальные порядки. Тем более, что они вторичны относительно людей, их создавших. Было бы перспективнее искать первопричину в самом *способе* бытия вида “*Homo sapiens*”.

На планете, как известно, человек – единственное существо, которое поддерживает свое существование через и посредством *преобразования* природной среды обитания. Преобразование среды человеком происходит не только по законам природы, но и по *социальным законам*, что делает его *активным* и творческим существом, а сообщество людей – *динамично развивающейся* социальной системой. Поэтому в процессе социо– и культурогенеза человек вынужден приспосабливаться уже не столько к условиям естественной (природной), сколько созданной и наращиваемой им искусственной (социальной) среды. Оставаясь частью природы, человек становится в оппозицию природе, начинает противостоять ей, что с неизбежностью приводило и приводит их к различного рода взаимным столкновениям.

В связи с этим следует отметить пройденные человечеством этапы (стадии) исторической эволюции. Они отличаются друг от друга по технологии жизнеобеспечения, обусловленной характером взаимоотношения человека и природы.

На первом (дойндустриальном) этапе человек строил свои действия в соответствии с нормами биогеоценоза. Это позволяло поддерживать существовавший в природе баланс.

На втором (индустриальном) этапе происходил непомерный рост потребностей человека, что коренным образом изменяло его отношение к природе. Человек стал относиться к себе как к самоцели, а к природе – как к средству достижения этой цели. Произшедшая в связи с этим смена технологической парадигмы повлекла за собой нарушение баланса природы и общества в пользу максимального потребления природных ресурсов. Следствием этого стало истощение ресурсного потенциала природы.

Дальнейшее безудержное наступление на природу и вызванное этим забвение всех норм биогеоценоза явились основой формирования третьего (постиндустриального) этапа, когда человек переходит к иной (инновационной) технологической парадигме. Сутью ее стало снятие каких-либо ограничений в удовлетворении базовых потребностей человека. Научные и технические «прорывы» (освоение космоса, проникновение в микромир, компьютеризация, нанотехнологии и т. д.) поставлены на службу еще большего производства разнообразных услуг и предметов потребления. Удовлетворяя постоянно разрастающиеся потребительские запросы, людям приходится отступать от норм не только биогеоценоза, но и морали, порождая тем самым угрозу существования вида *Homo sapiens*. Нетрудно заметить, что источником этой угрозы является используемая человеком технология жизнеобеспечения, которая лишает и его самого, и природу перспективы дальнейшего сосуществования. Потому со всей очевидностью и остротой встает вопрос: *как человечеству сохранить себя?*

К сожалению, пока человек не может противопоставить надвигающейся реальной угрозе ничего конкретного, кроме абстрактных моральных сентенций. Но уже это означает осознание им ситуации и стремление найти адекватные ответы на фундаментальные вызовы времени.

Кризис, таким образом, не есть некая *стагнация*, а есть *процесс* напряженного поиска выхода из него. Происходящие в ходе этого процесса изменения, хотя нередко и произвольны, хаотичны, все же имеют определенный *смысл* и *направленность*, поскольку ведут, как уже

отмечалось, либо к распаду функционирующей системы и ее исчезновению, либо к формированию новой.

Применительно к социальной форме жизни речь может идти о вероятной гибели той или иной социокультурной общности (этноса, нации, цивилизации) или образовании новой. Причем между распадом старой и образованием новой общности четкой временной границы нет – это единовременный, взаимопереходящий друг в друга процесс.

Следовательно, кризис как некое переходное состояние содержит в себе не только деструктивные, но и конструктивные перспективы развития. В этом видится его позитивный смысл, поскольку в этих условиях человеку приходится искать пути выхода из него.

Справиться с решением такой, отнюдь не простой, задачи общество может, лишь наращивая свой творческий и интеллектуальный потенциал. Кризис, таким образом, побуждает человека не только повторять накопленный родовой опыт, но и развивать его.

Между двумя системами

Историческое время, в котором мы сегодня пребываем, можно рассматривать также как «состояние между двумя системами», причем несуществующими: старая система разрушена и уже не действует, а новая – еще не утвердилась. Этим «системным вакуумом» объясняются многие социальные недуги, которые сотрясают современный мир.

Но так продолжаться долго не может: либо человеческое сообщество как системообразующее формирование окончательно распадется, утратив способность самовосстановления в прежней форме, либо же, найдя выход, перейдет в более устойчивое состояние, с новой формой своего существования.

Происходящие ныне процессы и тенденции в их развитии можно, видимо, как раз и рассматривать как напряженный и мучительный поиск этой новой, более эффективной формы (системы) человеческого существования.

О социальных последствиях техногенной цивилизации

При всей противоречивости и неопределенности переживаемого нами сегодня исторического времени некоторые основополагающие черты и особенности эволюции постсовременного общества все же просматриваются.

Несмотря на серьезные прорывы, осуществленные человечеством, особенно в сфере экономики, науки, техники, а также предпринятые им усилия, направленные на совершенствование социально-политического мироустройства, человечество продолжает еще оставаться необустроенным. Более того, само существование человечества находится перед лицом серьезной угрозы самоуничтожения.

Трудно предсказать, каковы будут конечные последствия всех этих опасных тенденций. Более определенно можно судить лишь о причинах, их вызвавших. Мы имеем в виду социальную модель общества, которая получила широкое распространение в современном мире, особенно на Западе, под названием *техногенной цивилизации*.

Как модель социального устройства техногенная цивилизация образовалась на базе определенного миропонимания. В нем центральное место занимает человек, стремящийся стать «мерой всех вещей», высшей ценностью в иерархии ценностей вообще.

Главная задача, которую решает человек в условиях техногенной цивилизации, – это реорганизация наличного природного и социального порядка вещей. Реорганизация проводится человеком в соответствии со своими желаниями сверхпотребления и наслаждения. Человеческий разум подчинен этой цели и превращен в мощное средство ее достижения.

Такая ценностная ориентация в свое время сыграла определенную позитивную роль в решении накопившихся, в частности, в европейском обществе социальных проблем. Но в дальнейшем, когда сложившиеся внутри техногенной цивилизации идеологемы стали абсолютизироваться, данная ориентация начала тормозить социальное развитие. Более того, зачастую она приводила человека к результатам, противоположным поставленным им изначально целям.

Создание несметного количества материальных и духовных благ отнюдь не улучшило человеческое сообщество, не уменьшило, как того ожидалось, проблем, стоящих перед ним. Концентрация богатства у одних и нищенское существование других всегда создавали социально-политическую напряженность, сделав постоянными спутниками общества мятежи, гражданские войны, революции. И сегодня «благополучие» и «стабильность» некоторых обществ – лишь кажущиеся. Пока единство человечества подрывается вопиющим неравенством стран и народов, пока существует силовой приоритет отдельных этнических, государственных, групповых и других корпоративных интересов над интересами общечеловеческими, стабильного миропорядка не будет.

Специфический способ существования человека (его активно *преобразующая деятельность, целесообразная самоорганизация*) все чаще предстает не счастливым даром разумного существа, а источником многих его социальных бед. Оказалось, что разум не всегда обеспечивает *разумность* действий человека. Кризис, переживаемый сегодня западным сообществом, – это кризис, прежде всего, европейского рационализма, шагнувшего теперь и за пределы своего континента.

В связи с этим нелишним мог бы стать опыт восточной цивилизации, позволяющий иначе взглянуть на происходящие в мире процессы и на возможные варианты нашей национальной модели развития.

Характер и динамика эволюционных процессов

Постсовременный мир – это, пожалуй, наисложнейший объект изучения и понимания. Чтобы разобраться в его сути, нужна особая теория, которая, выражаясь в терминах Н. Бора, должна быть «*достаточно безумной*». Приходится даже конструировать специальный языковой каркас (понятийный аппарат), который весьма существенно отличается от языка классической науки. Поэтому мы и вводим здесь такие понятия, как «*определенность-неопределенность*», «*стабильность-нестабильность*», «*устойчивость-неустойчивость*», «*равновесность-неравновесность*», «*порядок-хаос*» и др., позволяющие «*схватить*» и «*выразить*» (Гегель) специфику осмысливаемого объекта.

Выше уже давалось описание постсовременного мира через дихотомию определенности-неопределенности. Имелось в виду состояние «определенной неопределенности», в котором мир постоянно меняется, трансформируется, не давая человеку зафиксировать его и вдумчиво осмыслить. Все труднее и труднее предсказать, каким мир будет в будущем. Прошое и настоящее однозначно не детерминируют будущее – о нем мы можем судить лишь на языке вероятности.

К осмыслению текущих процессов в мире можно подойти и с точки зрения понятия стабильности-нестабильности. При этом важно учитывать, что абсолютно стабильного состояния системы не бывает, как, впрочем, и наоборот; речь может идти лишь о том, какое из состояний (стабильность или нестабильность) доминирует в жизни системы. Такая внутренняя диалектика превращает систему не в нечто застывшее, а в динамичный процесс взаимного перехода стабильности в нестабильность и наоборот.

При этом стабильность понимается как такое состояние структурной организации системы, при котором она (система) может достаточно надежно поддерживать и воспроизводить себя. В свою очередь дееспособность системы обеспечивается *равновесностью* и *отлаженностью* взаимодействия ее структур. Как видим, структуры образуют систему и обеспечивают ей жизнь, но и система создает условия для полнокровного функционирования этих структур.

В условиях отсутствия стабильности системы происходит нарушение равновесности ее структур. При такой ситуации система и ее структуры вступают в противоречие: система не может поддерживать прежний режим функционирования структур, а последние не обеспечивают функционирование системы, что приводит к системному кризису, *бифуркации* и к нарушению внутрисистемного порядка. Кризис может привести к реконструкции старой системы или к полному ее распаду. В этом случае освободившиеся структуры либо прекращают свое существование, либо продолжают функционировать (в иной конфигурации) в условиях новой системы.

Это дает основание думать, что при всей кажущейся хаотичности происходящих в постсовременном мире событий в них все же просматривается определенная закономерность: сменяемость материальных (социальных) систем, стремление к иерархизации, предельность жизненного времени и др.

В эволюции постсовременного мира наблюдается еще одна закономерность (тенденция) – это *нарастающее ускорение процессов социального развития*. Она тесно связана с другой тенденцией – *усложнением* структурной организации социальных систем. Как правило, распад устаревшей системы и образование новой происходят путем перехода от *простой* формы существования к более *сложной*. Стремление к более сложным формам существования позволяет системе быть более дееспособной. Именно на развитие своей дееспособности направлено действие любой системы.

Однако следствием нарастающего ускорения процессов развития и *усложнения* структурной организации систем является понижение степени их стабильности. Поэтому постсовременный мир следует характеризовать как более *динамичное, сложное и дееспособное, но менее стабильное* образование.

Еще одна особенность постсовременного мира – усиление взаимодействия двух взаимоисключающих и в то же время взаимополагающих тенденций. Одна из них направлена на интегрирование всех основных культурно-цивилизационных образований в единую планетарную социокультурную суперсистему. Идеологическим выражением этой тенденции является *глобализм*.

Однако процессы глобализации вызывают противодействие другой тенденции, направленной на сохранение культурно-цивилизационного разнообразия – регионализации (локализации). Появление понятия *глокализация* (Р. Робертсон), состоящего из соединения двух слов «глобализация» и «локализация», попытка подчеркнуть их взаимное осуществление не сняли их реального противостояния.

Человечество остается *единым* видовым образованием. Но это единство существует в разнообразных социокультурных формах. Культурно-цивилизационный полиморфизм, подобно генетическому, защищает человечество от случайных превратностей судьбы и позволяет выживать. В то же время это разнообразие может служить и часто служит, как показывает практика, источником различных противоречий, сотрясающих жизнь человечества.

Диалектика взаимодействия двух этих тенденций во многом предопределяет социальное развитие, усиление интеграционно-дизинтеграционных процессов в обществе, активизацию взаимодействия различных культурно-цивилизационных генераций, глобализацию истории и вовлечение в нее периферийных регионов и народов, ранее находившихся как бы «вне истории», вне активной политической жизни.

Пространство «осевого времени» (К. Ясперс), когда социальное пространство-время уплотняется, когда социальные системы становятся более сложными и менее стабильными, а политическая ситуация быстро меняющейся, человек вынужден приобретать новые навыки и способности. Речь идет о чувстве исторической ориентации, о даре социального предвидения, большей осмысленности организации мироустройства, большей рефлексии на происходящее и др.

Динамика социального развития ведет, как уже отмечалось, к понижению уровня стабильности и повышению напряженности в обществе, к росту его конфликтогенного потенциала. Это дает основание многим ведущим аналитикам современности предполагать, что великие раздоры в среде человечества будут порождены не только идеологическими и экономическими факторами, но и культурно-цивилизационными различиями [1].

Сегодня в мире, наряду с западной (христианской) цивилизацией, существуют и другие, например китайская, индийская, исламская, православная цивилизации, которые отнюдь не собираются растворяться в каком-либо другом культурно-цивилизационном образовании. Вероятнее всего думать, что борьба за доминирование между основными цивилизационными системами, в первую очередь, между западными и восточными, продолжится и впредь, причем с нарастающим обострением.

Конструкция или деструкция?

Проведенный нами выше дискурс будет неполным, если мы не скажем о том, как современные эволюционные процессы влияют на структурные основы человеческого бытия. Тем более, что человек – не сторонний наблюдатель происходящих вокруг него событий, а *активный их участник*. Именно человек меняет социальный облик мира, в котором живет, и при этом меняется сам. Именно человек творит свой социальный мир, который в то же время творит и его самого.

Человек строит свой мир достаточно осознанно, преследуя определенную цель. Однако цель и результаты, достигаемые при этом, далеко не всегда совпадают. Имеется в виду следующее. Человек есть, пожалуй, единственное существо, способное *создавать, творить*. Но он не может строить, не ломая (не расщепляя) целостность природного вещества или целостность им же созданного социального мира.

Человек – не только творец, но и разрушитель. Разрушение-созидание – это двуединый процесс, имя которому – социальное бытие человека. Амбивалентность в деятельности человека часто делает его заложником своих деяний. Обрушившиеся на него сегодня социальные недуги – продукт и результат как раз таких деяний.

В этом контексте логично предположить, что переживаемый постсовременным миром кризис – это, прежде всего, кризис самого человека, его *социальности* и *неспособность* организовать свою жизнь в соответствии с естественными нормами окружающей среды.

Другим следствием происходящих сегодня в мире процессов стало также усложнение социальной дифференциации общества, появление еще более мелких групп вплоть до своего рода «атомарных частиц» – индивидов. Распадаются не только большие социальные общности (системы), но и различные социальные группы (классы, касты, слои и др.) внутри отдельной общности. Сегодня, к примеру, трудно говорить о пролетариате так, как о нем писал К. Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.). Рабочий класс уже не выступает как носитель единой идеологии и как выразитель общих интересов – он разделен на многие переходные и маргинальные группы, интересы которых слабо связаны между собой.

Однако и небольшие объединения не могут считаться устойчивыми, поскольку со временем индивидуальные интересы входящих в них лиц все чаще берут верх над интересами групповыми. Индивид предпочитает сегодня быть свободным (независимым) не только от природы, но и от социальных уз (классовых, партийных, семейных и др.), которые чаще всего ограничивают свободу его действий. Он хочет быть самостоятельным, подчеркивая все больше свою индивидуальность, свою уникальность. И не хочет быть носителем лишь коллективной психологии, коллективного менталитета, коллективной воли.

Реальный социальный мир, который индивид застает как бы в «готовом» виде, не отвечает всем его требованиям и пожеланиям. Пытаясь уйти от него, он создает свою социальную нишу – свой микромир, в котором рассчитывает не столько на унаследованный, сколько на формируемый им самим социальный опыт. Это дает основание говорить об *индивидуализации* постсовременного общества, в котором индивид становится все более автономным существом и все чаще выступает от имени своего «Я».

Как пишет видный российский ученый Г.Г. Дилигенский, индивидуализация ведет к размыванию «традиционной модели группового человека, черпавшего свои мотивы и знания, нравственные нормы и мировоззренческие установки из относительно устойчивых групповых культур». Следствием этих процессов стали «такие тревожные явления, как десоциализация, усиление индивидуализма, уход в замкнутый мир адаптационных, потребительских и гедонистических ориентаций. Социальные нормы и интересы вытесняются из внутреннего мира индивида...» [2].

Однако бегство индивида из преднаходимого им вокруг себя социального мира приводит его к другому миру, в котором его индивидуальность проявляется еще меньше, а стремление к независимости (свободе) приводит к еще большей зависимости. Этот парадокс объясняется тем, что в новой социальной среде человек вынужден постоянно искать себя, самоутверждаться, формировать новые ценности индивидуального существования, приобретать новый опыт. Однако мир меняется быстрее, чем приобретаемый индивидом опыт. Опыт же предыдущих поколений в условиях разлома традиционных систем не исчерпывает всего объема необходимых в новых условиях знаний и навыков, а потому не может служить надежным гарантом успеха в его жизнедеятельности. Остается одно – меняться так же быстро, как меняется окружающий мир.

В этом контексте речь идет по существу о *формировании* нового человека. Но *каким* он будет, пока трудно сказать. Можно говорить лишь о том, каким он *должен* быть. И хотя это будет лишь нашим субъективным пониманием, оно все же способно внести свою лепту в процесс антропосоциогенеза – процесс, который не завершился и все еще продолжается. Протекая не без нашего участия, этот процесс все же нами не управляется, но мы можем *влиять* на него.

Самоопределение или самоидентификация!

Культурно-историческое время, современниками которого мы являемся, перешло не только в новое тысячелетие; судя по всему, время трансформируется в какую-то другую форму бытия с неясными пока социальными очертаниями и системой ценностных ориентаций. В таких условиях, когда старая форма жизни уже разрушена, а новая еще не сложилась, человек оказывается вне системы координат. Достойно жить и выживать в такой ситуации человеку не так-то просто – сделать это можно лишь в социуме достаточно *определенном и упорядоченном*. Поэтому ему приходится самоопределяться, т. е. *конструировать* свое социальное настоящее и будущее и проецировать его черты на себя.

Решение такой задачи требует от человека определения своих социальных (мировоззренческих, ценностных и др.) предпочтений: *по-новому* оценивать внешний мир и самого себя, *по-новому* отвечать на фундаментальные вопросы бытия: *Кто Я? Каков смысл и ценность моего бытия? Какое место Я занимаю в системе мироздания? Какова моя миссия в жизни Универсума? Какую роль Я могу и должен играть в формировании своего жизнеустройства!*

Казавшиеся туманными, подчас праздными, эти извечные философские вопросы сегодня вновь обрели вполне определенный, актуальный земной смысл и звучание. Более того, критическое переосмысление человеком своей культурно-цивилизационной идентичности становится сегодня одним из гарантов его выживания в современном социуме. Сохранение исторических перспектив этого выживания возможно лишь на базе нового мировоззрения, новой системы ценностных ориентаций и новой технологии жизнеобеспечения, а также на новых, адекватных текущим реалиям, адаптационных механизмах. Глубинное самопознание, включающее в себя понимание предельных основ бытия, должно стать доминантой социальной политики постсовременного общества.

Очевидно, что необходимость решения такой задачи вызвана спецификой текущего времени, когда находиться в стороне от магистральной линии исторического развития так называемым периферийным странам будет все труднее. Абхазии также предстоит войти в русло развития мировой цивилизации, по-новому осознать себя, найти свое место в новом формирующемся мироустройстве, свой путь в будущее. В контексте разворачивающихся в стране и вокруг нее геополитических и социокультурных процессов народ Абхазии может рассчитывать на историческую перспективу – социокультурное выживание – в том случае, если он глубоко осознал: *Кто он есть на самом деле? Как он собирается жить в будущем?*

Духовно самоопределимся нам, абхазам, возможно только в контексте происходящих вокруг нас, особенно на Кавказе, процессов. На исходе XX в. наш регион, как видно, вновь становится ареной выяснения геополитических притязаний ведущих стран мира. Следствием разыгрывающихся здесь этими странами «сценариев» стало начало процесса политико-правового разделения единого в экокультурном плане Кавказа на различные по своему политико-правовому статусу государства.

Можно было бы рассматривать этот процесс как повышение роли Кавказа в геополитике, как результат роста политического сознания народов кавказского сообщества, но, вероятнее всего, речь идет о разделении региона на сферы влияния внешних «игроков». И здесь могут быть предложены самые разнообразные формы будущего политического устройства Кавказа. Какая из них будет реализована и насколько будет выражать жизненные интересы коренных народов – задача, на решение которой должен быть нацелен весь наличный интеллектуальный потенциал сообщества.

Из многообразия возможных форм (моделей) политического устройства региона наиболее вероятными можно считать две: Кавказ становится суверенным субъектом культурно-исторической жизни и в качестве такового участвует в формировании своего социокультурного

будущего [1]; Кавказ остается инертным материалом истории, провинцией какой-либо сверхдержавы с ее (а значит, не своим) будущим [2].

Более вероятным представляется сохранение геополитической и культурно-цивилизационной зависимости Кавказа. Правда, эта зависимость может быть выражена на другом уровне и в другой форме. Но при этом не следует недооценивать того, что процесс осознания себя народами кавказского сообщества уже идет.

Каковы будут последствия этих судьбоносных процессов – пока трудно предсказать. Они могут быть самыми неожиданными, в том числе драматичными, поскольку преследуемые коллективным социальным субъектом цели и достигаемые при этом результаты для отдельных участников, как свидетельствует историческая практика, не всегда совпадают, а порой, исключают друг друга.

Вместе с тем нарастающая динамика процессов социально-политического развития в регионе показывает, что самоосознание народами Кавказа своего сообщества лишь на политическом уровне (политическое самоопределение) оказалось недостаточным. Процесс самоопределения обретает исторические перспективы только в том случае, если он проходит на базе определенных социокультурных реалий. Потому столь важно формирование концептуального объяснения и постижения той культурно-исторической реальности, в которой находится сегодня Кавказ. Без общих, теоретически выверенных представлений о мире в целом и Кавказе в частности трудно понять суть региональной культурно-исторической конкретики, решать стоящие перед народами сообщества задачи, предвидеть направление развития и возможные последствия принимаемых решений, осмысленно ориентироваться во все более усложняющемся мире и конструктивно участвовать в формировании его (а значит, и своего) будущего.

Перед лицом этих сложных проблем мы пока мало в чем меняемся. Взять хотя бы наше собственное, исторически выработанное клише мышления, те интеллектуальные навыки и стиль рефлексирования, которые давно стали для нас традиционными, привычными и по отношению к которым нам так трудно перейти в оппозицию.

Готовы ли народы кавказского сообщества к таким поворотам судьбы, в частности к фундаментальному переосмыслению своего социокультурного «Я», как того требует время? Обладает ли вообще Кавказ своей социокультурной идентичностью или же его культурно-историческая самостийность исчерпывается биоэтноразнообразием, неким, если можно так выразиться, «экзотическим эффектом», с которым регион обычно и воспринимается внешним миром?

Такая задача, задача *самоидентификации*, со всей остротой встала сегодня и перед нами, абхазами, но готовы ли мы к ее решению? Готовы ли мы перед внешним миром со всей ответственностью сказать, *кто мы есть на самом деле?*

Рациональное осмысление абхазским этносом своей духовной субстанции как определенной культурно-исторической реальности (в форме логически выстроенных понятий, суждений, умозаключений) не стало еще привычным делом, новой традицией в развитии нашего национального самосознания. Для нас созерцательное отношение к внешнему миру и к самим себе предпочтительнее и удобнее, чем активно преобразующая познавательная деятельность.

Нам удобнее и привычнее изображать и объяснять объективную реальность, в том числе и себя, в категориях этики и эстетики, чем сухими и лаконичными понятиями теории познания, которая, выражаясь словами М. Бахтина, не стала еще «жанром» абхазской культуры.

По существу, наше национальное самосознание живет еще в своей собственной традиционной стихии, осуществляет свою деятельность в клише архаических форм и норм, находится как бы в себе; ему трудно абстрагироваться, дистанцироваться от самого себя, посмотреть на себя со стороны, стать объектом собственных познавательных интересов, анализа и критической оценки. Мы используем опыт ассоциативного мышления, нам чуждо мышление дискурсивное, саморефлексирующее в европейском стиле (хотя элементы последнего в нашем самосознании, несомненно, имеются).

Иначе говоря, дух наш не привык погружаться в дебри бытия, осмысливать возможные пути и формы его самосовершенствования или заниматься культурно-историческим оформлением своего мироустройства. Удобным было для него оберегать и соблюдать вековые предписания «своего» мира, рассматривать его как нечто раз и навсегда данное. Переделывать, преобразовывать, совершенствовать его, тем более разрушать до основания и воссоздавать заново, как это происходит со многими народами других государств, в частности, России, абхазам еще не приходилось. Впрочем, в условиях традиционного общества, когда социальное будущее было в основном предопределено единообразием предшествующего развития, это и не было особенно нужно.

Теперь же ситуация радикально изменилась. Пожалуй, мы впервые столь остро начинаем осознавать потребность в духовном самоопределении, фундаментальном самопознании, обосновании исторической целесообразности нашего национального существования, в определении своей ценностной ориентации и новой мировоззренческой парадигмы.

Выполнение такой работы тем более важно, поскольку мы сегодня предстали перед международным сообществом в иной ипостаси, а инерция восприятия им нашего мира остается прежней. Мы должны переломить ситуацию, ибо нам безразлично, *что* и *как* думает внешний мир о нас. Впрочем, не меньшее значение имеет для нас и то, что мы сами думаем о себе и мире, окружающем нас.

Примечания

1. *Huntington P.S.* The ungovernability of democracy? // *Democracy in the 1990s*. Vienna, 1994. N 6. January. P. 34.
2. *Дилigentский Г.Г.* В защиту человеческой индивидуальности // *Вопросы философии*. 1990. № 3. С. 43.

Глава I

Абхазия в контексте постсовременных культурно-цивилизационных коллизий

§ 1. Внешний мир и особенности его трансформации

Ключевые понятия: Абхазия, мир, геополитика, противоречие, процесс, столкновение

Абхазия и внешний мир

Такие небольшие страны, как Абхазия, более зависимы от внешнего мира и менее способны влиять на него. Поэтому наш успех, равно как и неуспех, в достижении своей стратегической цели – сохранения национальной идентичности – во многом зависит от того, насколько мы адекватно осознаем свое место и роль в жизни целого мира, частью которого являемся; насколько объективно оцениваем происходящие вокруг нас процессы и основные тенденции в их развитии; насколько адекватны обстоятельствам времени наши действия. Важно не ошибиться в понимании основного вектора развития современного мира, в котором нам приходится обустраиваться.

Чтобы приобщиться к мировому сообществу в качестве равноправного субъекта, необходимо, в первую очередь, не только осознать себя (*кто мы есть на самом деле*), но и понять, что собой представляет внешний мир, с которым мы собираемся интегрироваться.

Формировать свое новое жизнеустройство, наполнять его смысловым и ценностным содержанием можно на основе собственного культурно-исторического опыта, но с учетом тех базовых принципов и правовых норм, по которым организован и развивается остальной мир. Другого пути национального выживания нам просто не дано.

Коль скоро безопасность Абхазии во многом зависит от внешнего мира, то нам следует заинтересовать его в нашем национальном существовании. Думается, добиться этого возможно в том случае, если существование Абхазии как суверенного государства будет иметь достаточно позитивный смысл и для них.

Это значит, что мы должны преподнести себя внешнему миру так, чтобы ему было выгоднее строить отношения с Абхазией как с равноправным партнером, нежели как с пассивным объектом своего воздействия. Важно продемонстрировать, что стать таким партнером нам вполне по силам. Для этого необходимо, прежде всего, так организовать свою жизнь, чтобы быть в состоянии самим на правовой основе строить и поддерживать социальный порядок, эффективно управлять процессами своего внутреннего развития. Не решив задач внутрисоциального обустройства, вряд ли можно предстать перед внешним миром серьезным партнером.

Партнерские отношения с Россией, Грузией, Турцией и со странами Запада возможны на основе четкого понимания того, что представляет собой каждый из них и что представляем собой мы сами. Путь достойного взаимодействия с более сильными партнерами в условиях, когда правовые основы сосуществования стран и народов серьезно расшатаны [1], для нас непривычный, поэтому и нелегкий. Тем не менее другого пути самосохранения у нас нет.

Метаморфозы постсовременного мира

В последнее время в мире произошли разительные перемены. Общий мировой порядок, сложившийся после Второй мировой войны и казавшийся долгие годы незыблемым и

окончательным, на рубеже столетий претерпел неожиданные изменения. Одни государства (СССР, Югославия, Чехословакия и др.) распались, прекратив свое существование, а на их прежних территориях образовались новые государства (Россия, Украина, Казахстан, Черногория, Сербия, Чехия, Словакия и др.). Другие же государства, ранее расколотые, напротив, объединились (например, Германия). Изменились межгосударственные границы, территория и численный состав населения многих стран. И все это вопреки требованиям правовых норм и конвенций [2], принятых, в частности, ООН и европейским сообществом.

Вследствие этих изменений не стало Восточного военно-политического блока («Варшавский договор») – одного из двух, наряду с Западным блоком (НАТО). Противостояние между ними, несомненно, несло в себе угрозу человечеству, но в то же время поддерживало баланс сил в мире и определенный порядок в нем.

С прекращением существования Восточного блока мир перестал быть биполярным и теперь воспринимается как однополярный, во главе с США. Можно было бы рассматривать образование однополярного мира как выражение наступившего единства человечества и преодоления им своей былой расколотости, как окончание эпохи «холодной войны» и переход к стабильному и безопасному социальному развитию.

Однако единым мир так и не стал: война не перестала сопутствовать человечеству, она лишь перестала быть «холодной», о чем свидетельствуют события – и не только на Кавказе. Жизнь на планете не стала более стабильной и безопасной. Напротив, борьба за новый передел мира, новые сферы влияния между ведущими странами еще более обострилась, что сделало человеческую жизнь менее стабильной и менее безопасной.

Новая дихотомия или возвращение к старой модели?

Сразу же после распада Восточного блока началось формирование «нового мирового порядка» по модели США, преследующих главным образом собственные интересы. Проводимый ими сегодня внешнеполитический курс недвусмысленно дает понять, что после распада СССР США рассматривают себя единственной в мире сверхдержавой и носителем глобальных геополитических интересов, считая при этом интересы других держав лишь *региональными*.

Политика, проводимая сегодня США, оказалась явно не по душе другим ведущим странам мира, в первую очередь Китаю, Японии, Индии, России и др., выступающим за многополярный мир. За исключением, пожалуй, Великобритании и еще нескольких стран, мало кто сегодня разделяет и поддерживает геополитические амбиции США. Даже в Европе им трудно рассчитывать на былую безоговорочную поддержку, что показала война в Ираке. Но реально противостоять США и сдерживать их экспансию на планете могут лишь страны Дальневосточного региона (далее – ДВР), которые, вступив на путь динамичного развития, весьма интенсивно наращивают свой экономический и военно-политический потенциал.

Такой динамизм в развитии не может не беспокоить США, но пока они бессильны помешать росту экономик ДВР. Более того, сегодня США стали явно уступать им в темпах роста и по другим важнейшим показателям.

Для нас важно подчеркнуть специфику развития стран Дальневосточного региона (Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Гонконг, Тайвань, Таиланд, Индонезия и др.). Модель развития этих стран существенно отличается от западной. Если западная модель основывается на *экономических ценностях* [3], то модель дальневосточных стран – *культурных ценностях*.

Разные модели дают разные результаты. Если в развитии стран Запада, особенно США, в последнее время просматривается определенное замедление, а то и спад, то применительно к Дальневосточному региону, напротив, – подъем. Странам Запада, в том числе США, становится все труднее конкурировать со странами ДВР.

Не менее важно здесь и другое: добиться такого экономического эффекта странам ДВР удалось путем ускоренной *модернизации с опорой на свою культурную генерацию*. Поэтому модернизация в каждой из этих стран не привела к *вестернизации*, как это происходит в других регионах. Напротив, в контексте такой формы модернизации собственные культурные ценности стали играть в жизни этих обществ еще более важную роль [4] и «работать» на экономический прогресс. В свою очередь именно культурная общность стала здесь той доминантой, на базе которой происходит дальнейшая интеграция Дальневосточного региона. Следует отметить, что интегрирование стран и народов на базе культурно-цивилизационной идентичности наблюдается сегодня и в других регионах мира.

Развитие стран ДВР дает основание говорить о *формировании нового блока*, который не скрывает своего противопоставления Западу. Это значит, что традиционное противостояние между Востоком и Западом, по существу, сохраняется, меняется лишь состав «фигурантов». Причем характер этого противостояния не столько идеологический, сколько культурно-цивилизационный, что гораздо более фундаментально, чем противостояние в недавнем прошлом между западным либерализмом и восточным коммунизмом.

Катакомбы геополитических коллизий

Постсовременный мир раздирают не только узкоэгоистические интересы и противоречия разных стран и народов. Это лишь видимая часть айсберга. В основе геополитических реалий лежат куда более глубинные пласты, которые, находясь в движении, часто предопределяют противоречивость действий массы людей в процессе их совместной жизни. Такие процессы трудно поддаются однозначному осмыслению, еще труднее – управлению, особенно привычному волевому. Но повлиять на них можно. Мы имеем в виду культурно-цивилизационные процессы – невидимую часть айсберга.

Признано, что геополитические противоречия между странами и народами регулируются нормами международного права, специальными правовыми актами. Но такой метод регуляции совершенно не применим к противоречиям, действующим в сфере взаимодействия различных культур и цивилизаций, которые образовались в ходе естественно-исторической эволюции человечества. Такие противоречия гораздо более фундаментальны и по существу неустрашимы. В таких условиях человеку остается лишь учитывать их и считаться с ними в своих действиях.

Понять логику культурно-цивилизационных взаимодействий возможно, если рассматривать мир (человечество) как определенную целостную систему. Существование (развитие) такой системы обеспечивается (поддерживается) через *взаимодействие* составляющих ее структур, каждая из которых тоже есть система, но только меньшего масштаба.

Человечество, будучи единым, состоит, как известно, из различных культур, цивилизаций, стран, народов, конфессий и множества других форм объединения людей в отдельные, автономные социальные общности, взаимодействие которых выражает и определяет общий мировой порядок. Заметим, любая система, в том числе и социальная, как уже отмечалось, есть определенная *упорядоченность*, точнее, *упорядоченное взаимодействие* составляющих ее структур. Система призвана поддерживать этот порядок, ибо изменение порядка, в конечном итоге, ведет к распаду системы, т. е. к хаосу, который можно рассматривать как поиск пути к образованию нового порядка [5].

Мир (человечество) предстает сегодня как противоречивое единство различных культур, цивилизаций, стран, народов и т. д., преследующих различные, порой несовместимые, интересы и цели. В этом единстве причудливо переплетается многообразие интересов и целей, что дает основание говорить об отсутствии однолинейности (одновекторности, однонаправ-

ленности) в развитии мира. Взаимодействие различных сил и тенденций превращает развитие в сложный, многомерный процесс, в котором трудно предугадать социальное будущее.

Мир как противоречивый процесс

Выше уже отмечалось, что при всей сложности происходящих в постсовременном мире культурно-цивилизационных процессов можно заметить взаимодействие двух взаимоисключающих и в то же время взаимополагающих друг друга тенденций. Одна из них направлена, как уже отмечалось, на *интегрирование* различных культурно-цивилизационных образований в единую планетарную социокультурную суперсистему, а другая – на сохранение социокультурного разнообразия мира.

Первая тенденция описывается в терминах глобализации. При этом глобализация понимается как «возрастающая целостность мира», или как «возрастающая интенсивность связей – экономических, политических, культурных, коммуникационных, объединяющих общества современного мира» [6]. В этом контексте нетрудно заметить уплотнение постсовременного мира. Целостность мира достигается через разрушение исторически сложившихся различий между цивилизациями, культурами, странами и народами.

Однако эта тенденция (глобализация) вызвала противоположное движение, получившее название *локализация* (регионализация). «Реакцией на глобализацию является интенсивное стремление различных человеческих общностей к сохранению собственной идентичности» [7].

В самом деле, сегодня нетрудно заметить, как нарастает движение различных стран и народов за сохранение своей самобытности и социокультурной идентичности, образование различных и многочисленных объединений, организаций, ассоциаций и альянсов по региональным и культурно-цивилизационным признакам. Это дает основание говорить о действии другой тенденции, противоположной первой. Если первая тенденция направлена на стирание различий между разными культурно-цивилизационными образованиями, странами и народами, то вторая направлена на сохранение этих различий. Причем интенсивность взаимодействия этих тенденций в постсовременном мире все более нарастает, что, несомненно, вызывает рост напряженности.

При этом важно отметить, что глобализация и локализация (регионализация) не просто находятся во внешней оппозиции друг другу – они друг в друга переходят, друг в друга превращаются, друг друга «поддерживают». Ведь любое новое объединение происходит за счет разделения некоей прежней целостности, путем включения распавшихся ее структур в другую целостность. Поэтому разъединение есть не что иное, как образование нового объединения, ибо «свободно блуждающих» структур в природе и обществе не бывает. Это значит, что обе тенденции, находясь в диалектическом единстве, не только не исключают друг друга, но с необходимостью полагают друг друга.

Вышесказанное позволяет рассматривать историю человечества как процесс перманентной перегруппировки сил, постоянного стремления к реорганизации (улучшению, обновлению, совершенствованию и т. д.) существующей формы жизни.

Истоки такого процесса находятся в глубине природы самого человечества, представляющего собой, как известно, *видовое единство*. Но это единство, как и любое другое в природе, представлено и существует в *разнообразных* формах. Культурно-цивилизационное разнообразие единого человечества – это не отклонение от норм или логики естественно-исторической эволюции вида *Homo sapiens*, а *необходимость, условие, возможность* развития этого вида.

Культурно-цивилизационное разнообразие – это биологический, социальный, интеллектуальный потенциал человечества, это источник его выживания и сохранения перспектив существования как социального вида живой природы. В то же время именно это разнообра-

зие может служить и часто служит источником различных противоречий и столкновений, в том числе и вооруженных, сопровождающих человечество на протяжении всей его истории. Поэтому, вероятнее всего, борьба за доминирование между основными мегацивилизационными системами не только продолжится, но и обострится.

Пока трудно однозначно судить о том, как будет протекать борьба между основными силами, определяющими, в конечном итоге, судьбу мира, и каков будет характер и динамика этой борьбы. Более ясно другое: в условиях действия различных противоречивых сил и тенденций и, самое главное, действия такого дестабилизирующего фактора, каковым является продолжающаяся борьба за новый передел мира, нам трудно ожидать наступления в скором времени желаемой социально-политической стабильности. Мир будет становиться все более сложным, но менее стабильным и менее безопасным. При таком сценарии развития событий нам следует думать: как выживать в условиях такого мира, как *сохранить себя*? При этом важно уяснить, что сохранить себя мы можем, лишь *развиваясь!* Другого пути существования сегодня нам не дано.

§ 2. Кавказ в меняющемся мире

Ключевые понятия: Кавказ, кризис, конфликт, урегулирование, стабильность

В контексте глобального кризиса

Нарастающие сегодня в мире глобальные процессы социального развития не обошли стороной и Кавказ. Более того, Кавказ оказался одним из эпицентров, где столкновение различных геополитических сил, культур и цивилизаций вылилось в пожар разрушительных и кровопролитных войн, превратив регион в своеобразный огнедышащий вулкан. И сегодня ситуация в регионе остается крайне взрывоопасной. Хотя череда широкомасштабных боевых действий будто бы прошла, но нет еще таких политико-правовых механизмов, которые могли бы предотвратить возобновление новой войны и гарантировать стабильный мир. Это дает основание рассматривать сегодня Кавказ, наряду с Ближним Востоком и Балканами, как один из наиболее конфликтогенных регионов в евразийском пространстве, как пояс повышенной опасности.

Августовские события 2008 г. вновь подтвердили, что время стабильности на Кавказе еще не наступило. Эти же события высветили изъяны современного мира, в первую очередь, всю пагубность той конфигурации миропорядка, которая сложилась после распада Восточного блока («Варшавского договора»).

Однополярный мир во главе с США оказался лишенным механизмов «сдержек и противовесов», без которых трудно поддерживать равновесие во взаимодействии стран, составляющих постсовременное сообщество. Вследствие этого США, будучи единственной сверхдержавой, стали чаще действовать вне правового поля, прибегать не к «силе права, а к праву силы». Они навязывают свои национальные интересы миру в качестве всеобщих. При этом имеются в виду, прежде всего, интересы транснациональной финансово-олигархической верхушки, действия которой нелегитимны и неподконтрольны. Между тем именно эта верхушка, а не легитимные политические институты международного сообщества, влияет на жизнь постсовременного мира, определяет и навязывает ему удобную ей стратегию развития.

Противоречия между основными геополитическими игроками нарастают. Мир преодолел противостояние времен «холодной войны», но от этого более единым, безопасным и стабильным не стал. Напротив, рост разрушительного потенциала становится все более угрожающим. Модель однополярного мироустройства, просуществовав лишь пару десятков лет, уже исчерпала себя и стала ущербной. Сложившаяся в рамках такой архитектуры система международной безопасности, ее «двойных стандартов», как показали события на Кавказе, не может гарантировать безопасность многих народов. Судя по всему, прежняя форма существования мировой системы изжила себя, начинается переход к новой системной организации мира.

Что же лежит в основе системного кризиса? Нетрудно понять, что коллизии, его вызывавшие, в конечном итоге, сводятся к борьбе за ресурсы и их распределение. Именно из-за ресурсов США добиваются всеми средствами установления своего монопольного контроля над Кавказским регионом. Не во имя столь часто декларируемых ими либерально-демократических ценностей или благополучия народов регионального сообщества они стремятся включить Кавказ в свой глобальный проект, а с целью использования в своих интересах его ресурсного и геостратегического потенциала.

Из-за интереса к ресурсам осуществляется расширение Североатлантического альянса на Восток. Через расширение подконтрольного ему военного блока США добиваются монопольного контролирования новых богатых ресурсами территорий и ослабления влияния на них других конкурентоспособных геополитических игроков, в первую очередь России. С этой целью они в спешном порядке приняли ряд восточноевропейских стран, бывших членов «Вар-

шавского договора», в члены НАТО и провели «Балканскую кампанию» (разделение бывшей Югославии, признание Косово и создание на его территории мощной военной инфраструктуры альянса). Продолжением этого проекта служат попытки создания в странах Восточной Европы системы ПРО и подготовка других стран, в том числе и бывших советских республик, к членству в НАТО.

Региональный аспект кризиса

В этом (глобальном) контексте нетрудно понять смысл августовских событий 2008 г. на Кавказе. Стратегическая задача, решаемая сегодня альянсом на Кавказе, та же самая, что и на Балканах, – это вытеснение России из региона. Решение данной задачи мыслилось руководством блока через принятие Грузии в НАТО. При этом в альянсе Грузию хотели видеть не иначе как вместе с Абхазией и Южной Осетией. Оставить Абхазию и Южную Осетию вне зоны контроля альянса означало для США сохранить возможность доступа России в регион, что совершенно не вписывалось в их план. Вот почему территориальная целостность Грузии так нужна была США.

Теперь, уже после августовской неудачи, руководству США будет намного сложнее выполнять свой кавказский проект. Но это не дает основания думать, что они собираются сворачивать «свои дела» на Кавказе. Напротив, несмотря на разразившийся мировой кризис, США принимают усилия, направленные на ускоренное восстановление военного потенциала Грузии (что означает поддержку напряженности в регионе). В связи с этим становится понятным и газовый кризис, искусственно вызванный для того, чтобы осуществлять транспортировку среднеазиатского газа через Грузию, в обход российской территории.

Оснований думать, что США и впредь будут стремиться сохранять свое «миротворческое» присутствие в южнокавказском регионе, более чем достаточно. Этому способствует сама политическая ситуация в регионе, где дефицит безопасности и стабильности ощущается весьма остро. Вряд ли можно считать дружественными взаимоотношения стран Южного Кавказа. Свою ключевую роль в сохранении напряженности в регионе играет Грузия, которая не собирается отказываться от своих притязаний на Абхазию и Южную Осетию. Руководство Североатлантического альянса, прежде всего США, владеющие большим набором отработанных технологий («управляемый хаос», «управляемый кризис», «экспорт напряженности» и др.), при «необходимости» создадут и поддержат нужные им региональные ситуации.

По всему видно, что в условиях продолжающегося политического, а теперь уже и финансового, и экономического, кризиса ситуация на Южном Кавказе будет стремительно меняться. Какова она будет в будущем, во многом зависит от характера взаимодействия участников треугольника «США – РФ – ЕС». Но даже среди сторонников США нет единства взглядов на кавказскую ситуацию. Турция, например, будучи членом НАТО, поддержала российскую операцию по принуждению Грузии к миру и выступила с политическими инициативами, направленными на укрепление безопасности на Южном Кавказе.

Далеко не во всем совпадают интересы США и стран ЕС, особенно «старой» Европы. Имеются серьезные противоречия между США и РФ, с одной стороны, и РФ и ЕС – с другой. Например, США заинтересованы, как отмечалось выше, в сохранении напряженности на Кавказе, Россия – в восстановлении политической стабильности в регионе. Несмотря на эти расхождения, треугольник «США – РФ – ЕС» – это реально действующая геополитическая сила, от которой, повторяю, во многом зависит будущее Кавказа.

Сами же непосредственные участники этнополитических конфликтов в регионе уже второй десяток лет находятся в состоянии поствоенно-предвоенном. Вряд ли можно считать дружественными (из-за проблемы Нагорного Карабаха) взаимоотношения Азербайджана и Армении. Территория Грузии все больше превращается в антироссийский плацдарм.

Новая политическая конфигурация государств Кавказа увеличила разрыв между ними. Недавно еще единый Кавказ сегодня расколот, политически разделен на Северный (российский) и Южный. Даже отдельные этнические общности (осетины, лезгины и др.) оказались при этом разделенными.

По своему правовому положению национально-государственные субъекты Кавказа разнородны: одни из них (Азербайджан, Армения и Грузия) признаны международным сообществом, другие (Абхазия и Южная Осетия) признаны Российской Федерацией, Никарагуа, Венесуэлой, Республикой Науру. Нагорный Карабах не признан никем, но существует *de facto*; северокавказские республики входят в состав Российской Федерации.

Такую чересполосицу правовых статусов государств Кавказа вряд ли можно считать перманентной, скорее всего, она является правовым закреплением определенного этапа раздела региона на сферы влияния.

При этом нетрудно заметить символический характер «суверенности» некоторых южнокавказских государств, особенно Грузии, которая выживает, главным образом, за счет иностранных, прежде всего американских, дотаций. Такая суверенность вряд ли может быть гарантом стабильного мира и безопасности в регионе. Скорее, она выступит инструментом конкурирующих между собой внешних геополитических сил.

Объектом такой борьбы Кавказ оказался в связи с распадом СССР и началом политического формирования региона в соответствии с «новым мировым порядком». Распад одних государств и образование других, как показывает исторический опыт, – сложный и неоднозначный процесс, который, как правило, сопровождается обострением противоречий между участниками этого процесса, а порой и столкновением их друг с другом. Причем такие столкновения чаще происходят в так называемых «контактных зонах», где проходят линии противостояния или «линия разлома» (С. Хантингтон). Одна из таких линий сегодня проходит именно через Кавказ.

Правда, не впервые Кавказ оказывается в такой ситуации; он и раньше привлекал к себе внимание внешнего мира, ибо здесь, как известно, перекрещивались многие коммуникационные артерии евразийского пространства. Кавказ был своеобразной пограничной зоной, где соприкасались, порой сталкивались, интересы различных стран и народов, культур и цивилизаций, что не всегда способствовало сохранению и развитию сложившейся здесь уникальной по разнообразию экокультурной системы. Тем не менее народам кавказского сообщества удавалось выживать, сохраняя при этом свою самобытность. Удастся ли им на этот раз сохранить себя – предсказать трудно.

Более вероятным представляется сохранение и в будущем геополитической и культурно-цивилизационной зависимости Кавказа. Но при этом нельзя не заметить, что процесс осознания народами регионального сообщества своей социокультурной идентичности все более возрастает. Это дает основание думать, что борьба между реально действующими сегодня на Кавказе политическими силами будет только обостряться.

Такое повышенное внимание к Кавказу ведущих стран мира, прежде всего США, России, Германии, Франции, Турции, Ирана и др., вызвано главным образом геостратегическим положением региона, его природными ресурсами и социокультурным потенциалом.

Интересы этих стран трудносовместимы, тем более что они принадлежат разным типам цивилизаций, которые придерживаются различных моделей социального устройства, систем ценностной ориентации и технологий жизнеобеспечения. Каждая из них, естественно, преследует свои интересы и, исходя из них, влияет на ход развития событий в регионе. В конъюнктурных интересах используются имеющиеся внутрирегиональные противоречия, в том числе и этнополитические конфликты [8]. Именно посредством конфликтов эти страны внедряются в политическую жизнь региона. И пока геополитическое соперничество за Кавказ сохраняется, вряд ли следует ожидать наступления стабильности в регионе.

Среди активных соперников в этой борьбе следует выделить США и Россию. В зависимости от того, как будут складываться взаимоотношения между ними на Кавказе, и определится, видимо, политический статус региона – останется ли Кавказ разделенным или будет реинтегрирован под протекторатом новой метрополии. Соотношение сил между ними в регионе зависит также от того, как будут развиваться дальше сами эти страны, какую роль они будут играть в формировании новой геополитической картины мира. Поэтому трудно сегодня судить о том, каков будет окончательный результат российско-американского взаимодействия на Кавказе. Пока же можно говорить о попытках России восстановить свое геополитическое присутствие на Южном Кавказе. Подтверждением этого могут служить события в августе 2008 г. Запад, а также США небезуспешно пытаются противостоять этому и вытеснить Россию – и не только из Южнокавказского региона.

Проведенный анализ не может считаться завершенным без моделирования определенной политической картины, в контексте которой можно мыслить существование Кавказа. Иначе говоря, сама неопределенность сложившейся на Кавказе и вокруг него геополитической ситуации вызывает острую потребность в осмыслении его положения в евразийском пространстве. Исходя из этого, можно предположить возможные сценарии развития событий:

I сценарий – образование единого и суверенного Кавказа, что маловероятно;

II сценарий – интеграция Кавказа с Россией. В ближайшее время такой вариант маловероятен;

III сценарий – сохранение разделенности Кавказа на Северный (российский) и Южный (нероссийский). Это более вероятно;

IV сценарий – интеграция Кавказа с Западом, что требует изоляции региона от влияния как со стороны России, так и Ирана;

V сценарий – интеграция Кавказа с Ближним Востоком.

Возможны и другие сценарии развития событий на Кавказе.

Но нетрудно при этом заметить, что все они требуют специального изучения и анализа, подробного описания каждого из них в отдельности. Решение такой задачи выходит за рамки данной работы.

Пока же можно отметить следующее: при всей неопределенности текущей ситуации и труднопредсказуемости политического будущего региона вероятнее всего ожидать сохранения геополитической и культурно-цивилизационной зависимости Кавказа. Поэтому поиск пути безопасного существования и стабильного социального развития народам кавказского сообщества следует осуществлять в параметрах этой реальности.

§ 3. О кавказской культуре (Опыт моделирования научной версии)

Ключевые понятия: Кавказ, культура, ментальность, менталитет, культурно-исторический тип

Культурно-цивилизационный контекст

Сегодня Кавказ представляет собой средоточие не только геополитических противоречий и коллизий; здесь столкнулись также различные культурно-цивилизационные образования. Их взаимодействия весьма существенно влияют на характер и динамику происходящих сегодня в регионе процессов.

Культурный плюрализм, какой сегодня наблюдается, встречается здесь не впервые. Как отмечалось выше, на евразийской территории Кавказ – место пересечения многих культур и цивилизаций. И хотя он не входил в эпицентр, где в свое время зарождались фундаментальные идеи и разворачивались события всемирно-исторического значения (Ближний Восток), но и не был в стороне от этих процессов.

Именно на Кавказе проходила граница между различными мегакультурными центрами: древнегреческим, древнеримским, византийским, арабским, тюркским, славянским и др. Здесь непосредственно соприкасались и продолжают соприкасаться сегодня интересы различных конфессий, прежде всего христианской (православной) и мусульманской.

Результатом таких контактов стало то, что кавказская культура впитала в себя ценности многих других культур, в том числе противоположных (например, западной и восточной). Тем не менее кавказская культура не может считаться ни западной, ни восточной. Ее следует рассматривать как достаточно самобытный тип культурной генерации, который идентифицирует себя с самим собой. Поэтому здесь следует более подробно рассмотреть кавказскую культуру как таковую. Это тем более важно сделать, поскольку среди различных культур, активно взаимодействующих сегодня в регионе, кавказская культура является одной из них. К тому же о кавказской культуре мы осведомлены гораздо меньше, чем о культурах внешнего мира, скажем, той же западной. Не воссоздав живой образ кавказской культуры, нам трудно будет разобраться в сути происходящих сегодня в регионе социокультурных процессов.

Исходные реалии анализа

Хорошо известно, что Кавказ всегда выделялся из окружающего его внешнего мира удобным географическим расположением и природно-климатическим своеобразием. Наукой отмечается, что существо этого своеобразия состоит в высокой степени концентрации природного (биологического) *разнообразия* [9].

Однако это разнообразие отнюдь не означает хаотичного сочетания различных биологических объектов на единице пространства. Биоразнообразие Кавказа обусловлено не следствием каких-то масштабных природных катаклизмов, оно формировалось эволюционно, путем естественного отбора, что предопределило упорядоченность (даже довольно жесткую) чрезвычайного разнообразия живых организмов [10]. Именно этим разнообразием обеспечивается *самодостаточность, целостность и завершенность* биологических процессов в регионе, их жесткая детерминированность природно-климатическими условиями.

Иначе говоря, биоразнообразие Кавказа является формой проявления закономерности эволюции организмов в условиях горных и предгорных территорий региона.

Разумеется, социальная форма жизни не тождественна биологической. В известном смысле она является качественно новой – надбиологической – формой жизни. Тем не менее существование человеческой популяции мыслимо лишь при сохранении живой преемственной связи с биотой. Как бы ни совершенствовалась технология жизнеобеспечения человека, пока будет существовать такой вид живой природы, каким является *Homo sapiens*, эта связь не может быть прервана. Формы ее (связи) разнообразны и зависят как от природных условий, так и от уровня развития социальной общности. Наиболее рельефно эта связь проявляется в архаичных формах социальной организации, а также в жизнедеятельности социальных общностей, сложившихся в условиях горных территорий.

Это важно учитывать при осмыслении феномена кавказской культуры, ибо Кавказ характеризуется горным ландшафтом, в суровых условиях которого преобразовательные возможности человека более ограничены, чем на равнине. Это своеобразие существования нашло отражение в мифологизированной форме сознания, в менталитете и ментальности местного населения. Все горные народы, с точки зрения их самосознания, являются, как правило, космогенными, а исходной основой, прообразом жизнедеятельности становится природа. Именно «по образу и подобию» природы происходит формирование социальной общности в горах.

Организованная таким способом социальная общность (социум) более консервативна (традиционна, замкнута), менее подвержена социальному изменению (развитию, модернизации, инновации), но зато более стабильна. И поскольку жизнь человека приближена к жизни природы и организована в рамках биогеоценоза, постольку потребности его предопределены и строго нормированы. Поэтому человек не стремится к совершенствованию формы своего социального бытия, к выработке новой технологии жизнеобеспечения. Все это необходимо учитывать, пытаясь раскрыть своеобразие кавказской культуры как отдельного феномена.

Социальная диагностика культуры: постановка проблемы

Определение состояния культуры в режиме исторического времени – это наисложнейшая и в то же время наиважнейшая задача. Ведь текущее состояние любого объекта познания есть исходная система отсчета, без которой никакой анализ, тем более научный, проведен быть не может. Определение текущего состояния культуры, в частности кавказской, для нас тем более важно, поскольку мы живем в этой культуре. Однако непосредственно, на опыте, она не наблюдается; наблюдаемы лишь явления культуры. Потому для регистрации наличной формы бытия культуры науке приходится прибегать к различного рода абстракциям. Такие абстракции могут считаться научными в том случае, если они подтверждаются опытными данными (наблюдаемыми явлениями) и объясняют их. Это значит, что без опытных (наблюдаемых, статистических и др.) данных вряд ли возможно рассчитывать на глубину анализа текущего состояния кавказской культуры. Однако таких данных, к сожалению, в нашем распоряжении сегодня нет. Научное изучение Кавказа проводится пока главным образом на методологической базе лишь исторической и филологической науки.

При всей важности собирательного, описательного методов исследования для концептуального понимания социокультурного феномена Кавказа необходимы также другие методы и подходы (объяснение, толкование, понимание). Решение такой задачи требует проведения специальных исследовательских проектов. Потому нам приходится ограничиться моделированием лишь определенной версии (гипотезы) путем умозрительного наблюдения, логического рассуждения, а также выбором понятийного аппарата (языка) этой версии.

Описывая и объясняя социокультурные процессы, современная наука оперирует понятиями *кризис*, *переход*, *трансформация*, *реформация*, *бифуркация*, *аннигиляция*, *диффузия*, *традиция*, *инновация*, *модернизация* и др. Применение такого рода понятий к социокультурным процессам на Кавказе оправдано тем, что традиционно использующийся в кавказоведении

понятийный аппарат не позволяет раскрыть суть происходящих сегодня процессов. Между тем эти процессы характеризуются *сосуществованием* (взаимодействием) на небольшом социальном пространстве разнородных по своему смыслу и ценностям культурных образований. Речь идет не только и не столько об этнокультурном разнообразии в традиционном (этнографическом) смысле слова. Имеется в виду такая культурная *смешанность* населения Кавказа, когда один и тот же этнос становится носителем разных культур. Более того, поликультурным становится не только отдельный этнос, но и его *базовая личность* (этнофор).

В условиях глобализации и сокращения дистанции между различными культурными образованиями говорить о *гомогенности* культуры можно весьма и весьма условно. Различные культуры *взаимопроникают*, причем процесс этот интенсивно нарастает. В данном контексте пример Кавказа является наиболее показательным. Сегодня здесь нет ни одной гомогенной культуры. Культура, в мире которой мы сегодня реально живем, *гетерогенна*, типологически разнородна. Нормы и ценности, которых мы придерживаемся в своей повседневной жизни, принадлежат различным культурам. Один и тот же человек является носителем разнородных культурных ценностей. Причем сочетание этих ценностей, принадлежащих разным культурным генерациям, часто носит произвольный характер.

Разнообразие предметного мира культуры, в условиях стремительной либерализации общества и его индивидуализации, открывает гораздо больше возможностей для выбора не только товаров и услуг, стиля одежды, но и ценностных ориентаций, мировоззренческих установок, идей, согласно которым каждый по-своему организует свою жизнь.

При гомогенности культуры такой возможности нет – здесь индивид строит свою жизнь по тем стандартам и образцам, которые предписывались ему существующей культурой. Это ограничивало возможность для выбора.

Приоритет личных (или групповых) интересов предают забвению нормы и предписания традиций. Тем самым культура все более превращается в своеобразный рынок духовных ценностей, где каждый «выбирает» их по своим субъективным предпочтениям. На этом рынке царит дух конкуренции за внутренний мир индивида, за самосознание этноса. В этой конкурентной борьбе нет победителя, а есть процесс, который протекает в самых разнообразных формах: *взаимодействия, взаимовлияния, взаимоприспособления, взаимопроникновения, взаиморазрушения, взаимопревращения* и т. д. По существу, идет процесс формирования новой культурной генерации, наблюдаемый сегодня не только в кавказском регионе.

Изменения происходят не только с ценностным отношением человека к культуре, но и с ценностью самой культуры. В контексте современной техногенной (западной) цивилизации культура стала утрачивать свою имманентную самооценку и превращаться в технологию социальной деятельности человека. Технологическая (инструменталистская) сторона культуры стала все чаще превалировать в ее жизни. Культура здесь выступает в качестве средства, целью которого являются, как уже отмечалось, экономические ценности. И оценивается культура только с точки зрения ее экономической эффективности, что, несомненно, ведет к девальвации культуры. Кавказ не оказался в стороне от этой всеобщей тенденции трансформации культуры. Сегодня мы не только свидетели, но и участники таких ценностных трансформаций.

Переходный процесс: откуда, куда и почему?

Одна из существенных особенностей современных социальных процессов – переход культуры из одной матрицы в другую. Прделанный выше анализ позволяет рассматривать современное состояние кавказской культуры как переходное. Разобраться в сути этого перехода можно на примере самой кавказской культуры, обладающей своей матрицей – необходимо присущими ей существенными признаками. Одним из таких признаков является традиционализм, что позволяло специалистам относить кавказскую культуру к традиционному типу.

Особенность любой традиционной культуры вообще и кавказской в частности состоит в том, что в условиях такой культуры человек производит и воспроизводит свою жизнь, обеспечивает ее безопасность (социальный гомеостаз), опираясь главным образом на накопленный опыт. Каждое новое поколение в традиционном обществе, по существу, *повторяет* опыт предыдущих поколений. Разумеется, в этих условиях исторически накопленный опыт не остается неизменным; он корректируется, шлифуется, совершенствуется, обновляется. Но все это не столь важно. Более важным является повторение наличного социального опыта каждым новым поколением. Именно на это тратится человеческий потенциал традиционного общества.

В условиях традиционной культуры развитие общества происходит медленно, постепенно, эволюционно, количественно. Внутрисоциальное состояние общества стабильно и определено. Коллективному социальному субъекту не приходится заниматься реорганизацией, переделыванием исторически сложившегося жизнеустройства; ему чужды идеи социального конструирования, развития, совершенствования, реформации, модернизации, революции.

В жизни такого общества нет резких скачков, переходов, качественных и системных преобразований. Даже тогда, когда такие качественные переходы в условиях традиционной культуры имеют место, они занимают длительное время, измеряемое историческими эпохами или стадиями (добывание огня, неолитическая революция, промышленный переворот и др.).

Социальное прошлое рассматривается здесь как исходное идеальное, представляющее собой предел совершенства структурной организации жизни людей. Социальное конструирование сводится к формированию будущего по образу и подобию прошлого. Поэтому перед социальным актором не стоят извечные вопросы: «Что делать?», «Как делать?» и др. Становление социальной формы жизни как бы завершено, достигло своего предела (совершенства) и нет надобности ее менять. Но при всей монотонности и неспешности социальных изменений в условиях традиционной культуры они все же происходят и в итоге приводят к качественному переходу в жизни общества.

Таким образом, традиционное общество не есть нечто окостеневшее. Происходящие в нем эволюционные процессы, в конечном итоге, приводят его в иное состояние, когда оно начинает динамично развиваться, совершенствовать структурную организацию существующей формы бытия и переходить из одной социальной формы в другую.

Чтобы удовлетворить в таких условиях свои базовые интересы и потребности, социальному актору недостаточен тот опыт, который унаследован им от предшествующих поколений. С точки зрения совершенства этот исторический опыт не считается больше идеальным. Актор опирается на него, но использует не в том виде, в каком он ему достался, а в осознанно измененном, улучшенном, усовершенствованном. Более того, отношение человека к прошлому в нетрадиционном (развивающемся) обществе критическое, порой негативное; социальное прошлое – это предмет критики, предмет преобразования, улучшения. Поэтому социальное будущее не является просто повторением прошлого; прошлое в будущем сохраняется, но присутствует в нем как бы «в снятом виде» (Гегель). Социальное будущее *творится, конструируется* действующим поколением. При этом исходным началом социального конструирования является не социальный образ прошлого, а определенный *мысленный конструкт* (модель), выступающий в то же время и в качестве цели субъекта деятельности.

Но цель, которую преследует субъект, и достигаемые при этом результаты, как известно, далеко не всегда совпадают. Поэтому процесс социального конструирования не может быть завершен, а субъект конструирования оказывается в ситуации, когда ему приходится искать все новые пути и способы достижения своего идеала. Но для этого человек должен быть мобильным, ловким, хватким, деятельным, способным приобретать и применять новые приемы и навыки жизнедеятельности.

Разумеется, такой тип социального жизнеустройства и такой тип человека имеют немало преимуществ и перспектив: они позволяют обществу и человеку динамично развиваться, обновляться, совершенствоваться и, самое главное, становиться более дееспособными и адаптированными к постоянно меняющимся условиям внешней среды. В итоге общество прогрессирует, а человек приобретает новые навыки жизнедеятельности и наращивает свой интеллектуальный потенциал.

Но преувеличивать значение таких преимуществ все же не следует, ибо жить и выживать в развивающемся (нетрадиционном) обществе непросто. К тому же любое развитие – это не только созидание, но и разрушение, при котором не избежать социальных противоречий, напряженности в обществе, конфликтов, коллизий, потрясений и т. д. Более того, развитие как способ бытия вообще противоречиво: в нем заложено единство противоположностей, в котором завершение определенного цикла изменений есть не что иное, как *тупик*. В условиях тупика существующая система разрушается. Единственная перспектива, которая при этом открывается обществу, – это необходимость поиска и формирования новой социальной системы.

Для этого у общества должны быть наготове социальные проекты, направленные на обновление жизнеустройства, на его реформацию и модернизацию. Отсутствие таких проектов часто приводит к революции – к насильственной смене одной социально-политической системы другой.

Можно было бы продолжить описание этих типов социального жизнеустройства (традиционного и нетрадиционного), по которым, в общем и целом, организована жизнь постсовременного мира. Но для нас было важным зафиксировать принципиальное различие между двумя этими типами. Если попытаться «схватить и выразить» существо этого различия в какой-то словесной формуле, то, видимо, она будет представлять следующее суждение: традиционное общество *стабильно, но медленно развивается*, а нетрадиционное общество *быстро развивается, но менее стабильно*. Какое из этих обществ предпочтительнее с точки зрения человеческой экзистенции? Вряд ли здесь возможно найти однозначный и безупречный ответ.

На этот вопрос ответить можно лишь с позиции конкретной социокультурной общности. Например, абхазы, как и другие народы кавказского сообщества, предпочли бы жить в условиях традиционного общества, причем кавказской модели, поскольку их менталитет и ментальность сформировались именно в таких условиях. Точнее говоря, эти условия выработывались предками и шифровались в социокоде (информационной программе) абхазов. Не случайно еще и сегодня в культуре абхазов, как и в других культурах кавказского сообщества, довольно часто встречается почтительно-трогательное отношение к прошлому (исторически пройденному), особенно со стороны представителей старшего поколения.

Но, увы, помочь им в их тоске по прошлому вряд ли возможно. Мы сегодня живем уже в иных условиях, когда поддерживать свое национальное существование одним только повторением прошлого опыта вряд ли возможно. Этот опыт, несомненно, важен и необходим, но, повторяю, сегодня он уже недостаточен для того, чтобы служить решению стоящих перед нашим обществом задач. Социальный опыт прошлого должен быть критически переосмыслен и приспособлен к новым условиям. В текущих условиях нам следует конструировать новую модель своего будущего социального устройства, с учетом не только национального опыта, но и опыта других стран и народов.

Кризис культуры и поиск выхода из него

Ситуация, в которой сегодня оказались народы кавказского сообщества, довольно сложная, необычная и таит немало угроз их общей безопасности. Эта ситуация лишает людей воз-

возможности действовать согласно привычной и исторически наработанной технологии жизнеобеспечения и не предлагает взамен ничего нового и готового.

Былой уклад жизни разрушается, и исторически пройденный предками путь уже не играет той роли, какую он играл раньше в условиях социальной повторяемости. По сути, люди оказались на развалинах истории, под которыми погребены скрепы прежней системообразующей социальной целостности, превратившейся в груды обломков былого, без ясных контуров образа «светлого будущего».

Наступило состояние *безвременья (межвременья)*, в котором народы сообщества не могут удовлетворить свои социальные потребности возможностями одной только кавказской культуры, поскольку в ходе исторической трансформации, точнее, *деформации* она перестала быть *самодостаточной*. Ее возможности сузились, в то время как потребности людей – расширились. В силу этого им приходится прибегать к «услугам» других культур, часто произвольно и неосознанно из-за отсутствия осмысленной и перспективной культурной установки.

Усилия коллективного социального субъекта (народов кавказского сообщества) по сохранению своей культуры – это, скорее всего, попытки *повторять* ее, но не *развивать*. Определенные сдвиги в направлении развития кавказской культуры наблюдались в XIX–XX вв., но в последние десятилетия, вследствие социальной деструкции, принявшей угрожающий размах и масштабы, уникальная древнейшая культура вновь оказалась перед лицом угрозы.

Выживать в условиях острого культурного кризиса удастся не всем народам, ибо, повторяю, каждый из них оказывается в состоянии *наименьшей стабильности, наименьшей социальной упорядоченности*. Выбраться из него вряд ли возможно без специального, научно обоснованного проекта, в котором мы сегодня испытываем острую потребность.

Следствием кризиса культуры может стать распад самой социальной системы. При распаде социальной системы, как и любой другой, происходит высвобождение энергии составляющих ее структур (людей, различных социальных групп, институтов и т. д.), которые оказываются в *неопределенном, произвольном и беспорядочном* состоянии. В этом «броуновском движении» люди вынуждены продолжать совместную жизнь, но уже без общих правил, без общих норм морали и права, т. е. в состоянии социального *хаоса* (беспорядка).

Распад системы может произойти под воздействием внешних сил и факторов, а также по причине износа самой системы. Нет в природе и обществе вечных систем – есть лишь их вечная смена (распад и образование). Именно вследствие распада социальной системы, как известно, погибали многие, некогда процветавшие, цивилизации, культуры, народы. Правда, бесследно они не исчезали. Освободившиеся при распаде системы структуры начинали поиск пути к формированию новой системы либо же вступали в другую, уже существовавшую систему и начинали жить по ее законам и нормам.

Распад системы не является единственным и неизбежным следствием кризиса культуры. При определенном стечении обстоятельств и в результате энергичных действий большой массы людей такие крайние последствия кризиса могут быть предотвращены. Более того, кризис может даже стать источником (стимулом) нового взлета культурной жизни. Так было, скажем, в Европе в позднее Средневековье. Без кризиса средневековой европейской культуры не было бы ни эпохи Ренессанса, ни классической культуры Нового времени. Так называемое «японское чудо» является следствием кризиса японской культуры середины XX в. И таких примеров в истории множество. Они показывают, что кризис – это не только *разрушение* старой формы жизни, но и *поиск* пути к новой. Поэтому важно, чтобы наиболее влиятельные слои общества умели видеть и использовать положительный потенциал кризиса в социальном творчестве.

И еще важно отметить. Проходя через горнило кризиса Средневековья, европейская культура не перестала быть европейской, а японская культура, как известно, пройдя процесс сильной технологической модернизации, не утратила своей самобытности. В столь существенном аспекте, как, в частности, мировоззренческий, средневековая культура, как известно, *тео-*

центрична, а классическая культура Нового времени *антропоцентрична*. Между ними немало и других различий, но и та, и другая идентифицируются как *европейская* культура.

Таким образом, в процессе своей исторической трансформации культуре приходится приспосабливаться к постоянно меняющимся и не всегда благоприятным для ее развития внешним условиям, даже менять свою «тему». Современная культура – и кавказская, и русская, и европейская, и восточная, и т. д. – разнородна, гетерогенна и состоит из иерархии различных ценностей, норм и стандартов жизни. При этом культура – это не просто некая сумма ценностей, а их *система*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.